

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

## LITERARY CRITICISM

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 5—14.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 5—14.*

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN <https://elibrary.ru/alpkvu>

DOI: 10.46726/H.2026.3.1

### КНИГА Э. ДИЛЛОНА «ГРАФ ЛЕВ ТОЛСТОЙ: НОВЫЙ ПОРТРЕТ»: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПУТИ И ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

**Валерия Геннадьевна Андреева**

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,  
г. Москва, Россия, [lanfra87@mail.ru](mailto:lanfra87@mail.ru)

**Аннотация.** Автор статьи обращается к истории взаимоотношений и переписки Л.Н. Толстого и журналиста, лингвиста и переводчика Эмиля Джозефа Диллона (1854—1933), а также рассматривает книгу последнего «Граф Лев Толстой: новый портрет» (1934), которая была задумана автором еще во время его встреч с Толстым в 1890-е гг., создана спустя более 20 лет после смерти классика, а вышла в свет уже после ухода из жизни самого Диллона. В статье отмечается, что написанная на английском языке и для иностранных читателей, данная книга представляет особенный интерес, поскольку содержит яркую интерпретацию пути Толстого и его мировоззрения, данную иностранцем, прекрасно знавшим русский язык и много размышлявшим по поводу особенностей жизни России конца XIX — начала XX в. Автор статьи обозначает ключевые проблемы художественного и публицистического творчества Толстого, заинтересовавшие Диллона и наиболее ярко зафиксированные им в повествовании, а также анализирует скрепление взглядов представителей двух культур и традиций (Толстого и Диллона), которые оказались обращены к одним религиозным и философским вопросам. Актуальность исследованию придает тот факт, что книга Диллона до сих пор не переведена на русский язык и не упоминается в работах отечественных ученых.

**Ключевые слова:** Л.Н. Толстой, Э. Диллон, рецепция, литературные переводы, публицистика, «Крейцера соната», духовно-нравственные искания, мировоззрение

**Благодарности:** Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00120 «Л.Н. Толстой — читатель и читатели Л.Н. Толстого: на перекрестке культур и эпох», <https://rscf.ru/project/26-18-00120/>

**Для цитирования:** Андреева В.Г. Книга Э. Диллона «Граф Лев Толстой: новый портрет»: особенности интерпретации пути и взглядов русского писателя // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 5—14.

Известность Л.Н. Толстого значительно возросла в 1890-е гг., после того, как он обрел славу не только писателя, но публициста и общественного деятеля, открыто боровшегося с социальными несправедливостями и человеческими пороками. В это время Толстой становится автором мирового масштаба: его мыслями и воззрениями интересуются в разных странах, его произведения активно переводятся на разные языки, прежде всего на английский, французский, немецкий.

В данной статье мы обратимся к книге журналиста, лингвиста и переводчика Эмиля Джозефа Диллона (1854—1933) «Граф Лев Толстой: новый портрет» (1934), которая была задумана автором еще во время его встреч с Толстым в 1890-е гг., создана спустя более 20 лет после смерти классика, а вышла в свет уже после ухода из жизни самого Диллона [Dillon]. Написанная на английском языке и для иностранных читателей, книга представляет особенный интерес, поскольку в ней содержится яркая интерпретация пути Толстого и его мировоззрения, данная иностранцем, прекрасно знавшим русский язык и много размышлявшим по поводу особенностей жизни России конца XIX — начала XX века. Мы не претендуем в статье на полный и развернутый обзор книги, но постараемся обозначить ключевые проблемы художественного и публицистического творчества Толстого, наиболее заинтересовавшие Диллона, а также проанализировать скрепление взглядов представителей двух культур и традиций, которые оказались обращены к одним вопросам. Актуальность исследованию придает и тот факт, что книга Диллона до сих пор не переведена на русский язык и не упоминается в работах отечественных ученых.

Факт невнимания к книге Диллона на самом деле выглядит упущением, поскольку Диллон во многом известен и в России, и за рубежом благодаря взаимодействию и общению с Толстым. Так, О.И. Галкина отметила, что «в западной, особенно английской, историографии имя Эмилия Диллона до сих пор представляет интерес лишь благодаря его близкому знакомству с Л.Н. Толстым» [Галкина: 39]. В 2025 г. вышла биография Диллона, написанная Кевином Рафтером, ученые проявили интерес к лингвисту и журналисту, что не случайно. Ранее исследовательница справедливо подчеркнула: «Между тем, по мотивам его биографии можно было бы написать роман. Уроженец Дублина, учившийся в Париже, Лейпциге и Тюбингене, интересовался сравнительной филологией настолько, что выучил 26 языков» [Там же: 38]. Однако диалог Диллона с Толстым и восприятие наследия классика остаются фактически не освещенными.

Диллон был очень образованным, грамотным, интересным человеком, он начал свой профессиональный путь как ученый-лингвист, а далее долгое время совмещал общественно-политическую работу как российский корреспондент “The Daily Telegraph” с переводческой деятельностью и продолжением исследований тех исторических и философских проблем, которые волновали его лично, стали неотъемлемой частью его духовно-нравственных исканий. Диллон стал приятелем и соратником С.Ю. Витте, сопровождал его в 1905 г. на конференцию в Портсмут, которая знаменовала завершение русско-японской войны. О.В. Соколовская, обратившаяся к международной деятельности Диллона и его архивам, отметила высокую оценку, которую дал С.Ю. Витте Диллону, а также подчеркнула уровень мастерства и продвинутой корреспондента, смогшего впервые с середины океана дать по воздушному телеграфу интервью с Витте в связи с предстоящими переговорами: «Это было первое интервью со времени существования прессы, которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана» [Соколовская: 474].

При изучении писем Диллона к Толстому и в целом их переписки может сложиться впечатление, что Толстой заинтересовал его прежде всего как знаменитый писатель, к переводу произведений которого Диллон обратился. На самом деле это тоже верно: Диллон открывал позднего Толстого англоязычным читателям — он перевел «Крейцерову сонату», запрещенную тогда в России, но активно читаемую по переписанным копиям и имевшую огромный успех, а также ряд других произведений писателя. В своем первом личном письме к Толстому от 23 апреля 1890 г. Диллон писал о переводе «Крейцеровой сонаты», который он с большой тщательностью сделал, о поиске им издателя, «который бы взялся все напечатать, как есть, без пропусков и обиняков» [ОР ГМТ: КП-9390/9230, ф. 1, оп. 2, инв. № 147/95, л. 1] и о том, что издатель выразил к нему встречную просьбу — «чтобы я ему помог разуверить английскую публику в ее странных представлениях о цели и сути “Крейцеровой сонаты”» [Там же: л. 1 об.].

Диллон стал одним из первых своеобразных посредников между Толстым и английскими читателями, который не просто преподносил для публики произведения писателя, но радел за правильное их понимание. В данном письме Диллон сообщает о множестве ложных и крайних толкований взглядов Толстого, их порою намеренных искажений в англоязычной среде, с которыми сам Диллон намерен был бороться. Он признается Толстому, что разделяет его взгляды на вопрос взаимоотношения полов, выраженные в «Послесловии» к «Крейцеровой сонате»: «Я и хотел было поднять свой тонкий голос в защиту принципа, который хотя до сих пор и не соблюдал, но в глубине сердца признаю истинным, животворящим, когда Г. Ганзен привез Ваше Послесловие» [Там же]. В письме Диллон, по совету В.Г. Черткова, обращается к Толстому за разрешением о публикации перевода толстовского «Послесловия» вместе с самим произведением в Англии для рассеивания существующих недоразумений.

Сразу же оговоримся о том, что публикация предполагаемых произведений оказалась не такой простой, как это думалось Диллону. Однако Толстой благожелательно отнесся к просьбе Диллона. Более того, писатель счел необходимым сделать для него своеобразное исключение. В письме от 29 апреля 1890 г. к Диллону Толстой писал: «Я вообще не обращаю никакого внимания на издание моих писаний и переводов с них и только благодарен тем, которые их распространяют в какой бы то ни было форме» [Толстой 65: 82], но далее отмечал особую серьезность Диллона и свою готовность помочь ему в этом деле. Вряд ли в данном случае Толстой был предельно откровенен в том, что он не обращал внимания на переводы своих произведений и дальнейшее распространение взглядов — скорее всего, при высказывании этой позиции имел значение толстовский отказ от гонораров за свои поздние произведения, а также большая загруженность писателя делами. Нам важно, что Толстой поощрил деятельность Диллона, настаивал на выражении искренних впечатлений, которые позволили бы исключить обман и предвзятое отношение: «Если каждый с своей личной точки зрения скажет искренно то, что он думает и чувствует об этом предмете, то многое темное уяснится, привычно лживо скрытое откроется...» [Там же].

Мы не можем исключать и того факта, что Диллон взялся за переводы произведений Толстого в том числе потому, что видел огромную популярность писателя в России и все растущую его известность в мире. В своей книге о Толстом Диллон косвенно подтверждает это, рассказывая, как он с Вл. Соловьевым был приглашен на вечер в салоне, где должным образом оценивались самые значимые движения того времени — литературные, художественные, философские, как он наблюдал за восприятием слушателями «Крейцеровой сонаты»: «Мы слушали

чтеца в глубоком молчании, но расширенные глаза, поднятые брови и изменившиеся выражения лиц некоторых слушателей говорили об их истории так же ясно, как если бы она была рассказана словами. Все были ошеломлены, некоторые, очевидно, были разочарованы, другие возмущены, а один или два человека, казалось, сдержанно позабавились» [Dillon: 118]. Талантливый переводчик, человек, живо интересовавшийся актуальными проблемами своего времени, Диллон хотел браться за перевод тех произведений, которые не остались бы в тени. И в этом плане любое произведение Толстого было благодатным материалом для перевода.

Однако именно благодаря книге Диллона становится понятно, что его лично как человека со своими духовными поисками привлек не только Толстой-писатель, но и Толстой-мыслитель. Одиннадцатую главу, которая называется «Почему я захотел увидеть Толстого», Диллон начинает с изложения своих собственных поисков истины, сомнений и колебаний. А далее отмечает, что цель этого отступления в повествовании состояла в его желании прояснить мотивы встречи с Толстым — Диллон поясняет, что к Толстому он поехал для обретения спокойствия. Примечательно, что Диллон представляет до этого мнение большинства, показывая, как Ясная Поляна стала своеобразным энергетическим центром притяжения: «Говорили, что он обладает секретом, изгоняющим все подобные страхи и дарующим высшее душевное спокойствие. Безусловно, рассказы об аскетической и святой жизни, которую он вел после обращения, и о душевном покое, который с тех пор его охватил, наполняли меня тоскливым желанием оказаться в зоне его благотворного влияния. Паломники стекались в его историческое имение Ясная Поляна в Тульской губернии со всех уголков мира и находили утешение и успокоение в его наставлениях» [Там же: 162].

В книге Диллон большое внимание уделяет первому разговору с Толстым и его домочадцами, встрече его в Ясной Поляне, дальнейшим беседам. В. Абросимова отметила, что «главным, поворотным моментом своей жизни Диллон с полным основанием считал свою встречу с Толстым в декабре 1890 года, к которой он тщательно готовился» [Абросимова: 127]. Скорее всего, книга Диллона была бы совершенно другой и по стилю, и по содержанию, если бы он начал ее писать сразу после встречи с Толстым. Однако именно разговоры с писателем и толстовское решение о том, что еще не настало время для подробной его биографии, адресованной английским читателям, остановили Диллона в его намерении начинать труд.

Диллон рассказывает, как Толстой во время встречи согласился на ознакомление с его дневниками, однако просил не переписывать содержания записей, а сам гость пообещал, что пока отложит идею о написании книги о Толстом [Dillon: 174]. Значительный временной период, прошедший с момента общения Толстого и Диллона, их переписки до начала работы последнего над изданием обусловил общий тон и широту повествования Диллона. Кроме того, книга была создана уже после распада Российской империи, после революции, после написания известной статьи В.И. Ленина «Толстой как зеркало русской революции». Сам Диллон в свете событий мировой общественно-политической жизни первой четверти XX в. и собственного жизненного опыта уже гораздо более объемно оценил не только фигуру Толстого, но и его место в истории русской литературы, русской жизни. Разумеется, намного сдержаннее (по сравнению с 1890-ми годами), как нам видится, звучит в книге описание не столько конфликта Толстого и Диллона, сколько той сложной и проблемной для переводчика и порядочного человека ситуации, в которую был поставлен Диллон при переводе статьи Толстого о голоде в России 1891 г.

В книге Диллона, в главе «Газетная война» подробно и тщательно освещается инцидент, который, как отметил сам Диллон, «бросает тень на звездный путь» Толстого [Там же: 11]. Этот случай тщательно исследован в статье В. Абротимовой, уделяющей большое внимание итоговым письмам Толстого и Диллона, однако, к сожалению, не обращающей к книге Диллона. Получилось так, что запрещенная в России и переведенная Диллоном статья Толстого «О голоде», вышедшая в лондонской газете “Daily Telegraph” под заглавием «Почему голодают русские крестьяне?», была далее использована газетой «Московские ведомости», которая перепечатала выдержки из статьи с вольным и грубым комментарием, выставлявшим Толстого как пропагандиста самого разнузданного социализма. Л.Д. Опульская отмечает, что «это был публичный донос, и злобный»: «В придворных сферах начались разговоры, что Толстого нужно выслать или посадить в дом умалишенных» [Опульская: 253]. Под влиянием С.А. Толстой, которая очень переживала за детей, честь мужа и семьи, Толстой написал опровержение и отказался от того, что переведенные слова принадлежат ему. По сути дела, Толстой сообщал именно об ошибке перевода и лживых словах «Московских ведомостей», однако письмо его было составлено так (указание на двукратный перевод [Толстой 66: 160—161]), что виновником ситуации оказался и Диллон.

Не случайно В.В. Леденёва отмечает по этому поводу, что «имя русско-английского ученого-ориенталиста, доктора сравнительно-исторического языковедения, авторитетного журналиста Э.М. Диллона могло иметь другое, более глубокое наполнение как прецедентное в русской культуре (ученый, знаток языков, корреспондент авторитетных изданий, соратник Лескова и Соловьева). Но в его ореол сильнее других вписался компонент “конфликт с Л.Н. Толстым”» [Леденёва: 81].

Письмо-ответ Диллону на его просьбу разъяснений, письмо с признанием того, что он действительно стал причиной неприятностей английского переводчика, Толстой написал по просьбе и даже под влиянием Н.С. Лескова. Толстой сетовал в нем на самого себя, сожалел, что медлил с ответом: «Я сначала откладывал, потом колебался, писать или нет, а под конец и совсем оставил намерение писать. <...> Я ни минуты не испытывал к Вам недоброжелательства, а напротив, очень сожалел о тех неприятностях, которым Вы подверглись и которых я был отчасти невольной причиной» [Толстой 66: 244—245].

Книга Диллона позволяет лучше понять всю эту ситуацию, причем прошедшее время дало возможность ее автору сделать многозначительные выводы, увидеть не слабость Толстого, но причины его поступка и своеобразного отступления назад, которые было сделано в угоду С.А. Толстой. В главе, которая так и называется «Объяснение поведения Толстого», Диллон не только раскрывает причины этой ситуации, когда С.А. Толстая убедила мужа написать опровержение по причине собственных амбиций и желания быть принятой ко двору, но и рассказывает еще несколько примечательных случаев, которые позволяют читателю оценить пассивность Толстого в выражении собственной позиции, утверждении своего мнения перед публикой, когда писатель предоставлял случаю и обстоятельствам решить все за него.

Диллон показывает, как Толстой вынужден был поступаться своими убеждениями в угоду супруге: так было, например, с гонораром за пьесу «Плоды просвещения», которую Диллон, как он сам отмечает тут же, перевел на английский. Пьеса была удачно поставлена в Императорском театре в Петербурге, Толстой не намеревался получать никаких выплат, когда директору театра от С.А. Толстой пришло письмо с вопросом о гонораре за постановку, причитающемся автору. Директор был вынужден обратиться к императору, дважды узнавали положения

закона, Толстой отказывался от выплат, но после некоторого молчания, когда стало известно, что деньги могут быть вручены только автору по расписке, с большой неохотой получил их [Dillon: 243—244].

Книга Диллона имеет своеобразную композицию, причем ее чтение открывает, как постепенно переводчик освободился от обиды на Толстого: по сути дела, книга стала катарсисом. Упоминая в предисловии сразу же о неудачной ситуации, в которой оказались и Толстой, и Диллон в связи со статьей о голоде, английский автор далее обозначает несколько ключевых сложностей характера и противоречий, даже слабостей Толстого, которые, по сути, должны были стать ключевыми в его повествовании. В первую очередь, он пишет о том, что «всю свою жизнь Толстой не мог довести ни одну цель до конца», и далее следует целый перечень указываемых дел и занятий писателя, оставленных или брошенных им. Упоминает Диллон о постепенных колебаниях Толстого и его двойственности, неспособности выдерживать одну какую-либо позицию, поскольку Толстой одновременно был и анархистом, и аристократом, одевался как русский мужик, но не терял дворянского звания, выражал национальные русские основы, но при этом писал самые западные романы [Там же: 13]. Диллон подчеркивает слабость Толстого как религиозного реформатора и приступы ревности, наслаждения одобрением, которые затмевали щедрость его сердца. Он отмечает неумение писателя хвалить людей, особенно близких, и жившую в нем любовь к славе. Небольшое введение к изданию предполагает скорее негативное отношение Диллона к Толстому, однако далее в девятнадцати главах автор раскрывает сложную историю становления таланта и выхода Толстого к проблемным вопросам современности в 1880—1890-е гг. и фактически оправдывает гения русской литературы. Можно сказать, что предполагаемое рассуждение о непоследовательности Толстого переходит в рассказ об уникальном писателе и человеке.

Специфика книги Диллона, которая, по первой задумке его, должна была быть биографической, на самом деле заключается в ретроспективном взгляде на Толстого и попытке объяснения своеобразия его мышления, специфики условий и среды, сформировавших писателя. Лишь внешне похожая на биографию (Диллон пишет о предках Толстого и дает краткие факты его жизненного пути), книга в основном содержит вопросы, касающиеся позднего периода творчества писателя. В истоках и началах жизни Толстого Диллон усердно ищет то, что могло привести потом классика к серьезному мировоззренческому кризису, а далее — к формированию своего собственного учения.

Диллон обращает немалое внимание на характер Николеньки Иртеньева, называя его литературным «я» Толстого. Проецируя на самого Толстого все сложности, с которыми сталкивался его герой, Диллон отмечает, что «черты детского характера, запечатленные в памяти его родственников или описанные им самим в своих произведениях, отличаются от черт взрослого человека лишь интенсивностью и степенью» [Там же: 36]. Примечательно, что Диллон ищет подступы к объяснению поведения Толстого и его героев, основываясь на анализе поздних произведений писателя. Так, он часто находит мотивы и рассуждения, характерные для переведенной им «Крейцеровой сонаты» у раннего Толстого. Один из основных в данном случае — мотив ревности [Там же: 39].

Диллон использует и психологический метод, показывая, как здоровые природные склонности, обостренное самолюбие юного Толстого, которого не понимали окружающие, переросли в болезненное самолюбие. Автор книги убежден, что Толстому не удалось испытать в детстве ощущения райского счастья, к которому он далее стремился всю жизнь. И в этом отношении Диллон предвещает

рассуждения П.В. Басинского о Ясной Поляне как рае для детей Толстого, организованном писателем и его супругой, которые сами не вполне смогли им наслаждаться: «Эта бытовая поэзия Ясной Поляны, оставившая столь неизгладимое очарование в детях Толстого, что все они вспоминали о яснополянском детстве как о рае, на их мать, в ее восемнадцать — девятнадцать лет, произвела впечатление совсем не однозначное. В конце концов, она просто привыкла к ней» [Басинский: 108].

Диллон констатирует толстовское чувство превосходства и вследствие этого отчужденности, которое сопровождало его далее по жизни. Очень интересно, что внецерковную исповедальность, характерную для писателя и его героев, Диллон рассматривает как национальное качество, черту славян, проживающих на территории России. И вновь, рассуждая о Толстом и его творчестве в целом, он приводит пример из любимейшей ему «Крейцеровой сонаты»: «Случайный попутчик в железнодорожном вагоне, подобно толстовскому Позднышеву, выставляет напоказ пятно на своей чести или рассказывает унижительную историю своей жизни с откровенностью, которая поражает иностранца и вызывает сочувствие местного жителя» [Dillon: 51]. Диллон глубоко убежден, что многочисленные влияния, побуждавшие Толстого к работе ума и воли, имели сексуальный и религиозный характер, причем последний сочетался со страхом смерти.

Значительное внимание в книге уделяется образу и локусу Ясной Поляны, для Толстого ставшей собственным домом, определившей его взрослость, самостоятельность. При этом Диллон скептически относится к толстовской идее просвещения народа. Он рисует очень нелюбимый и по сути правдивый образ русского крестьянства: «Крестьяне жили в глиняных хижинах в нищете и грязи; их основной пищей были черный хлеб, капустный суп и гречневая каша... Главным их удовольствием было пьянство» [Там же: 85—86]. Он подчеркивает, что усилия Толстого оказались направлены на взаимодействие с крестьянами, но не на полное освобождение народа, что в поздний период творчества воспоминания писателя о своей помощи народу вызвали в нем чувство умиления.

Диллон опирается на переписку Толстого и Б.Н. Чичерина, полностью занимая позицию последнего и цитируя значимые отрывки из писем корреспондентов. Чичерин был вдохновлен Англией, старался объяснить Толстому, что невозможно изучить эту древнюю страну без серьезной подготовки, полагаясь лишь на внешние впечатления. При уважении к России в целом и желании осмыслить особенности русского характера, Диллон всегда оставался патриотом [Там же: 91—92].

Преимущественное внимание в книге уделяется даже не искусству Толстого, которое, как показывает автор, максимально лично, а при этом настолько широко в плане охвата жизни, настолько глубоко в понимании мотивов и чувств людей, что Толстой не мог не занять лидирующей позиции среди всех писателей. Намного больше Диллон пишет о том, что он знал не понаслышке — о понимании жизни, принципах творчества и мировоззренческих основах Толстого. В то время как письма Диллона и Толстого 1890-х гг. раскрывают максимально вежливое отношение переводчика, который не мог возражать автору, в книге мы видим переосмысленную историю рассуждений о «Крейцеровой сонате». Диллон, увлеченный Толстым и его новыми идеями, не сразу мог предвидеть возражения консервативных редакторов и издателей («Интересно, что при публикации “Крейцеровой сонаты” некоторые “неприличные” и “неудобные” выражения вымарывались...» [Боева: 26]), тем более английских. Толстой же, как он показывает, зная свою роль «реформатора» мышления, оставался максимально прямолинейным: «Тем временем американка, для которой была зарезервирована почетная задача перевода

“Крейцеровой сонаты”, написала в категоричных выражениях, отказавшись браться за работу. Она была совершенно возмущена произведением. Она объяснила, что никогда в жизни не читала ничего подобного и горячо надеялась, что больше никогда не увидит ничего подобного. Это был удар для автора и его друзей. Меня тут же уведомили об этом решении и призвали занять ее место. Но граф настоял на том, чтобы я строго придерживался откровенной фразеологии русского текста. “Даже если вы сочтете некоторые слова и фразы излишне грубыми, вульгарными, жестокими, вы не должны уклоняться от того, чтобы дать им полные английские эквиваленты. Не должно быть никакого притворства или жеманства: лопату нужно называть лопатой”» [Dillon: 123]. Диллон передает, как он старался, как боролся за максимально дословный перевод, как держал Толстого в курсе исключения всех «непристойностей».

Английский автор достаточно емко формулирует в книге философско-жизненное кредо Толстого, восходящее к идее братства и проповеди ненасилия, более того, он проникательно отмечает, что около Толстого оказалась большая категория людей, не поддерживавших писателя, его идеи, а лишь недовольных собой и миром, поэтому готовая к любому оппозиционному движению [Там же: 130].

Очень интересно, что Диллон избегает спора с Толстым или возражений писателю, он использует другую тактику — рассказывает о восприятии «учения» Толстого очень разными людьми, посещавшими Ясную Поляну, нередко иллюстрировавшими ее хозяину крайности поведения, граничащие с психическим нездоровьем, или, наоборот, заставлявшие Толстого глубоко задуматься о разнице проповедуемого им идеала и настоящего положения дел. Диллон пересказывает яркую историю, которая была поведена ему самим писателем — о стариках, нашедших большую разницу в работах Толстого и его образе жизни, которые после созерцания жизни в Ясной Поляне ответили: «Ты живешь не такой простой жизнью, как мы себе представляли, и поэтому ты не можешь рассказать нам то, что мы хотим знать» [Там же: 178].

Диллон не случайно останавливается на подобном примере, он позволяет ему перейти к критике религии Толстого, поскольку «его собственная жизнь, несмотря на его обновленные решения, была убедительным доказательством полной невозможности следовать заповедям новой религии даже для человека, обладающего исключительными способностями и находящегося в необычайно благоприятных обстоятельствах» [Там же: 182]. Как верующий человек, сам много времени проведенный в религиозных поисках, Диллон убежден, что Толстому не хватало религии чувств, настроений, единения с Богом. Он подытоживал, что толстовская религия осталась холодной психологией, а его сердце было убито разумом [Там же: 195—196].

Одним из первых среди всех иностранных авторов Диллон поднял вопрос о причине семейного кризиса Толстых, о противоречиях жизни писателя и его уходе из Ясной Поляны. Диллон вновь использует выбранный им прием цитации отрывков из эго-документов и приводит доводы разных людей, причудливо их перетасовывая, подталкивая к выводам самого читателя (необходимо отметить, что этот подход стал популярен в отечественном толстоведении уже в XXI веке, примером его может быть книга Н.Г. Михновец, особенно ее часть «Любовь и бунт», касающаяся конфликта Толстого и его жены [Михновец: 37—266]).

Интересно, что главу «Почему Толстой сбежал из дома» Диллон завершает историей о восприятии Софьей Андреевной и Андреем Львовичем телеграммы от императора, иллюстрирующей подбострастие, снобизм и формализм родственников Толстого — всего того, что и побудило известного писателя, мечтавшего переделать мир, отвернуться от дома и семьи.

Символично, что книга Диллона о Толстом стала последней значительной работой в его обширной писательской и журналистской карьере. Диллон сдержал свое обещание, он опубликовал биографию русского писателя после его смерти, написал ее искренне. Более того, книга стала и объяснением Толстого, его позиции иностранному читателю, и своеобразной исповедью самого Диллона, отказавшегося в юности от пути священника.

#### Список источников

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928—1958.  
Dillon E.J. Count Leo Tolstoy: A New Portrait. London: Hutchinson & Co, 1934, 286 p.

#### Список литературы / References

- Абросимова В. «...Рассказать жизнь, как она была...» (Из писем Эмилия Диллона к Л.Н. Толстому) // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 124—172.  
(Abrosimova V. “...To tell life as it was...” (From the letters of Emil Dillon to L.N. Tolstoy), *Voprosy literatury*, 1989, iss. 11, pp. 124—172. — In Russ.)
- Басинский П.В. Л.Н. Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2011. 366 с.  
(Basinsky P.V. L.N. Tolstoy: escape from Paradise, Moscow, 2011, 366 p. — In Russ.)
- Боева Г.Н. «Крейцерова соната» Л. Толстого в формировании литературно-критического дискурса о «половом вопросе» // VI Фрейдовские чтения: категории различий в психоанализе и психологии / под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2022. С. 24—33.  
(Boeva G.N. “The Kreutzer Sonata” by L. Tolstoy in the formation of literary-critical discourse on the “sexual question”, *VI Freud readings: categories of difference in psychoanalysis and psychology*, ed. by prof. M.M. Reshetnikova, St. Petersburg, 2022, pp. 24—33. — In Russ.)
- Галкина О.И. Британский журналист Эмиль Диллан о русском характере // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия. Владимир: Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2023. С. 37—44.  
(Galkina O.I. British journalist Emil Dillon on the Russian character, *The historical experience of world civilizations and Russia*, Vladimir, 2023, pp. 37—44. — In Russ.)
- Леденёва В.В. Неопубликованное письмо Н.С. Лескова в контексте культурно-исторических событий: взгляд лингвиста // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6, № 5А. С. 76—85.  
(Ledeneva V.V. An Unpublished letter by N.S. Leskov in the context of cultural and historical events: a linguist’s view, *Culture and civilization*, 2016, vol. 6, no. 5A, pp. 76—85. — In Russ.)
- Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.  
(Mikhnovets N.G. Life with a genius: Leo Tolstoy’s wife and daughters, St. Petersburg, 2025, 928 p. — In Russ.)
- Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. 287 с.  
(Opulskaya L.D. Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1886 to 1892, Moscow, 1979, 287 p. — In Russ.)
- Соколовская О.В. Эмилий Диллон, англо-русский ученый и его архив в США // Славянский альманах. 2020. № 3—4. С. 473—491.  
(Sokolovskaya O.V. Emilius Dillon, Anglo-Russian Scholar, and His Archive in the USA, *Slavic almanac*, 2020, iss. 3—4, pp. 473—491. — In Russ.)

## E. DILLON'S BOOK "COUNT LEO TOLSTOY: A NEW PORTRAIT": FEATURES OF THE INTERPRETATION OF THE PATH AND VIEWS OF THE RUSSIAN WRITER

**Valeria G. Andreeva**

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

**Abstract.** The author of this article examines the relationship and correspondence between Leo Tolstoy and the journalist, linguist, and translator Emil Joseph Dillon (1854—1933), and also examines the latter's book, *Count Leo Tolstoy: A New Portrait* (1934), which was conceived by the author during his meetings with Tolstoy in the 1890s, created more than 20 years after the classic writer's death, and published after Dillon's own death. The article notes that, written in English and for foreign readers, this book is of particular interest because it contains a vivid interpretation of Tolstoy's path and worldview, given by a foreigner who knew Russian well and reflected extensively on the peculiarities of life in Russia in the late 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> centuries. The author of this article identifies key issues in Tolstoy's artistic and journalistic work that interested Dillon and were most vividly captured in his narrative. She also analyzes the intersection of the views of representatives of two cultures and traditions (Tolstoy and Dillon), who found themselves addressing the same religious and philosophical questions. The relevance of this study is enhanced by the fact that Dillon's book has not yet been translated into Russian and is not mentioned in the works of Russian scholars.

**Keywords:** L.N. Tolstoy, E. Dillon, reception, literary translations, journalism, "Kreutzer Sonata", spiritual and moral quest, worldview

**Acknowledgments:** This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 26-18-00120 "L.N. Tolstoy — the reader and readers of L.N. Tolstoy: at the crossroads of cultures and eras", <https://rscf.ru/en/project/26-18-00120/>

**For citations:** Andreeva V.G. E. Dillon's book "Count Leo Tolstoy: a new portrait": features of the interpretation of the path and views of the Russian writer, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 5—14.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 30.07.2026.*

*The article was submitted 18.06.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 30.07.2026.*

### **Информация об авторе / Information about the author**

**Андреева Валерия Геннадьевна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, основной исполнитель гранта, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, lanfra87@mail.ru, SPIN: 8349-0805

**Andreeva Valeria Gennadievna** — Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Fellow, principal grant implementer, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, lanfra87@mail.ru